

Кольцо

Автор:

Наталья Новгородская

Кольцо

Наталья Новгородская

Кто-то скажет, что такой истории не могло быть, что это выдумка, фантазия, анекдот. Но я скажу, что в нашей многогранной жизни бывает всякое... Шурочке Филипповой судьба преподнесла ценный подарок, и она сумела им в полной мере воспользоваться.

Наталья Новгородская

Кольцо

Глава 1

Шурочка наконец-то смогла отойти от своих знакомых, и, выйдя за ограду церкви, быстро пошла по направлению к дому. Там её ждала бабушка, которая очень не любила, когда внучка опаздывала, и в таких случаях отчитывала её, и весь день потом Шурочка пыталась умаслить свою ближайшую родственницу. Авдотья Семёновна Филиппова во всём требовала порядка, гоняла единственную горничную, и та, сбившись с ног, то и дело поправляла слетевшую накидку на диване или чистила подсвечники от воска, или, что ещё хуже – мела прихожую всякий раз после ухода визитёра. И хоть дом содержался в чистоте, Стешка без усталости мыла полы и вытряхивала половики.

Шурочке исполнилось двадцать лет, но она по-прежнему находилась под крылом своей бабушки, заботилась и ухаживала за ней, в ответ же только получая указания экономить свечи и не читать до ночи. После кончины отца девочке с матерью пришлось оставить наёмную квартиру и переехать к бабушке, которая, хоть и привечала своих родственниц, но транжирить деньги им не разрешала и ежемесячно выдавала установленную сумму на каждую. Матушка, чтобы скрыться от внимания своей свекрови, стала на продажу ткать половики на чердаке, и тем самым смогла хоть немного почувствовать себя независимой. Шурочка научилась у матери этому ремеслу и даже печь пироги с яблоками, но бабушка после кончины невестки, закрыла чердак и не позволяла внучке даже думать о заработке. Ей нужна была компаньонка, а не самостоятельная девица при своих деньгах.

Девушка быстро шагала по дороге; на перекрёстке ей пришлось пропустить экипаж, она оглянулась по сторонам и двинулась дальше. Городок Н. можно было весь обойти пешком за день, если у кого-то появятся силы и желание это сделать. В нём не имелось каких-то особенных, знаковых достопримечательностей: только старинная церковь, путевой дворец да полуразрушенная крепость, вот и всё, что составляло ценность этого посредственного городка.

Шурочке осталось пересечь только один квартал, и она скоро достигнет своего дома; девушка прибавила шаг, как вдруг из раскрытой калитки на неё выскочил огромный лохматый пёс. Он громко залаял, и она, взвизгнув, остановилась в нерешительности. Этот пёс принадлежал старому губернскому казначею и всегда позволял себе лаять из-за ограды на Шурочку, но та никогда его не боялась и невозмутимо проходила мимо, теперь же кто-то забыл закрыть калитку, и громадина вырвалась на свободу. Девушка хотела двинуться вперёд, но пёс оскалился и так громко гавкнул, что у Шурочки задрожали руки, и она даже прикрыла глаза от страха.

– А, ну, пошёл вон! Ну, тебя! – послышался мужской голос, и Шурочка приоткрыла один глаз.

Напротив стоял молодой человек и тростью пытался отогнать от неё собаку. Он был хорошо одет, выглядел rispetабельно, и так рьяно сражался со злобной животинкой, что это не могло не взволновать девушку. Она тут же открыла второй глаз, и уже во всех подробностях смогла рассмотреть мужчину. Довольно приятное лицо, добротный плащ на плечах, а на ногах – начищенные до блеска

чёрные высокие сапоги. Он пытался вырвать из оскаленной пасти свою трость и тянул её изо всех сил; Шурочка не смогла остаться в стороне, и, встав рядом с ним, взялась за трость. Через минуту трость была освобождена, а пёс, получив её по хребтине, скрылся за оградой, злобно порыкивая. Шурочка была польщена и обрадована, она покраснелась, надеясь на новое знакомство, и робко поблагодарила своего спасителя. Тот недовольно осмотрел свою погрызенную трость, затем приподнял шляпу, что позволило девушке увидеть его голубые глаза, и, улыбнувшись, двинулся по тротуару.

Шурочка осталась в немой растерянности. Незнакомец не пожелал ей представиться, а она понятия не имела, кто он такой, хотя многих в городке знала. Он явно был приезжим, его плащ сшит из дорогой ткани, а шляпа самого модного фасона. Девушка вздохнула и направилась к дому, но мысли о незнакомце не отпускали её, и она шла, даже не думая, куда ступает, и только то, что она прекрасно знала город, помогло ей не сбиться с дороги.

“Он такой смелый, такой приятный, так почему же не захотел представиться? Или там, откуда он приехал, нельзя знакомиться с барышнями на улице? Но где найти того, кто мог бы нас представить друг другу?... Ах, ты, глупая! Да, может, ты не слишком хороша для него, или он уже просватан!”

Вскоре дом показался из-за поворота: двухэтажный с небольшим садом, когда-то он был одним из самых презентабельных на этой улице. Теперь же побелка облупилась, деревянное крыльцо требовало ремонта, сад не обрабатывался, фруктовые деревья засохли, а деревянная беседка представляла собой жалкое зрелище. Четыре окна на фасаде были наполовину закрыты сухими ветками деревьев, и даже в самый солнечный летний день в комнатах на первом этаже была полутьма. Небольшая гостиная, вечно закрытый кабинет покойного хозяина, тёмная столовая, примыкавшая к крохотной кухне – составляли ансамбль первого этажа, на втором этаже им со скрипом подыгрывали четыре спальни (две из которых нежилые) и малюсенькая комнатка Стешки. Только у себя в комнате Шурочка могла полюбоваться небом и открытым солнечным светом, до её окна иссохшие ветки не доставали совсем чуть-чуть. Она не помнила, чтобы эти деревья плодоносили, видно, они засохли ещё в первые годы после посадки.

Когда Шурочка заикнулась о том, что засохшие ветки яблонь и вишен неплохо бы обрезать, чтобы в окна первого этажа поступало больше света, то услышала такую тираду от бабушки, что больше не имела желания говорить на эту тему.

– Да эти деревья ещё твой дед посадил, когда мы только переехали сюда!
Обрезать ветки – всё равно, что избавиться от памяти о Степане Василиче!

“А беседка – память о часах, проведённых за воскресным чаем...”, – с тоской думала девушка, смотря в окно на покосившееся строение.

Шурочка, подойдя к калитке, с тоской оглядела печальное зрелище – неужели после кончины бабушки ей придётся одной жить в этом доме и поддерживать старый порядок? Но некогда рассуждать, нужно спешить к обеду, и она отворила деревянную калитку, взнеслась по крыльцу и влетела в прихожую, надеясь, что не опоздала к столу. Из гостиной слышался визгливый, восторженный голос соседки Филипповых, Евдокии Дуниной. Шурочка взглянула на часы – она опоздала на двадцать минут! “Почему я такая растяпа?”, – подумала она, и, опустив плечи с досады, направилась в гостиную.

В полутёмной комнате в цветастом кресле сидела Авдотья Семёновна, поглаживая кошку Дуську, спящую у неё на коленях, а напротив неё сидела Дунина в таком же кресле, на голове её был надет легкомысленный чепец, с немислимым количеством оборок. Её ноги не дотягивались до пола, и когда она говорила слишком торопливо, то они взмывали вверх, а её тело падало в глубину кресла.

Бабушка только едва взглянула на внучку, полностью поглощённая беседой с соседкой, и Шурочка недоумевала, почему она не стала её отчитывать, и что же такого увлекательного может рассказать Дунина, кроме местных сплетен не первой свежести и сетований на повышение цен. Соседка жила в доме напротив, и они с бабушкой Шурочки были не то, что подругами, а Евдокия Петровна была той, от кого можно было всегда узнать нужную информацию. Она частенько любила преувеличить или приписать некоторые высказывания себе, но это не мешало ей быть первой среди городских сплетниц.

Девушка присела на диван, а кошка, разбуженная её приходом, недовольно покосилась на неё и повернулась на другой бок.

– Так я вам правду и говорю, Авдотья Семёновна, она приезжает через неделю! Своими глазами видела, как во дворце все суетились и вытряхивали ковры. А губернатор сам...

- Прошу прощения, кто приезжает? – вставила слово Шурочка.

Дунина уставилась на неё так, словно девушка сама должна была догадаться, о чём идёт речь.

- Императрица!

Шурочка так поразились, что более не делала попыток заговорить.

Бабушка качала головой, тоже с трудом веря в такую удивительную новость. Императрица готовилась посетить проездом их городишко впервые, а учитывая её возраст, так, может, ей больше и не представится подобный случай. Императрица возвращается в Столицу после поездки по стране, и город Н. станет одним из тех, где Её Величество соизволит гостить.

- А надолго ли она останется? – спросила Филиппова.

- Как пить дать, на месяц!

Бабушка подняла брови, а соседка продолжала вещать, наклонясь вперёд и блестя от возбуждения чёрными глазами.

- Ах, я это не просто так говорю! Сам губернатор обмолвился, что она останется для охоты, и даже приказал егерю готовить зайцев на выпас. Но вы знаете Косовского! У него ни зайцы, ни кабаны не годны для охоты. Только порох переводить почём зря! Да ведь вы не знаете, что лакей губернатора – двоюродный братец подруги моей кухарки, которая служит горничной у нашего казначея, так что все новости я получаю, можно сказать их первых уст! Моя Зойка мне выкладывает всё, как на духу и ничего не перевирает.

- Вот я думаю, как бы обрадовался мой Степан Василич её приезду! Прошлого Императора он застал, а вот её никогда не видел. Ах, бедный Степан Василич! Клянусь, его добродетель достойна была того, чтобы ему показаться на глаза Императрице! – воздала похвалу своему усопшему мужу Филиппова.

Шурочка только поджала губы, вспомнив, что бабушка при жизни мужа его ругала, и только после кончины стала хвалить. Он не нажил состояния, ибо

никогда не имел настроя класть себе в карман и жить на широкую ногу, зато, обладая большим сердцем, всегда помогал беднякам и не проходил мимо нуждающихся на паперти в церкви. Авдотья Семёновна твердила, что он – транжира, и как ему совесть позволяет тратить деньги на совершенно чужих ему людей, когда его родная жена нуждается в них больше! Но когда он скончался, то у него вдруг оказалось золотое сердце. И всё-то он делал для людей, и обо всём-то он заботился, и столько сделал для города...

– Так вот, ко дворцу стягиваются повозки с провизией, и даже уже достали из подвала серебряные приборы для званого обеда!

– А, что же, она, стало быть, и обед даст? – удивилась ещё больше Филиппова.

– А, как же! – хмыкнула Дунина. – Видать, все знатные люди города там соберутся. Ой, может быть, и вас с внучкой пригласят. Ведь ваш супруг, как-никак, всю жизнь с прежним губернатором бок о бок, а его сын разве может не замолвить о вас словечко перед Императрицей?

Авдотья Семёновна не успела обдумать эту мысль и обрадоваться приглашению во дворец, как Дунина перескочила на другую тему.

– И когда же вы Шурочку выдадите замуж? Бутон уже раскрылся, теперь цветёт и пахнет, а скоро уже и лепестки начнут опадать... Век барышни недолгий, знаете ли!

– Когда найдётся подходящий жених! – выпалила Филиппова не очень любезно. – Добропорядочный, с прекрасной репутацией и хорошим состоянием!

– Ха! У нас в городишке? – ухмыльнулась Дунина. – Не понимаю, чего вы выбираете? И Хохлов у вас был, и Жилин...И Топчин к ней сватался! Да, он полноват и непривлекателен, но у Шурочки возраст...Помню, я вышла за Кузьму Кузьмича в пятнадцать лет, и жили мы душа в душу...

Она пустилась в воспоминания о днях минувших, а покрасневшая Шурочка уставилась в окно, считая минуты до того момента, когда соседка отправится к себе домой. Девушка понимала, что бабушка будет готова расстаться с нею только тогда, когда найдётся жених, способный завоевать её сердце, и она без колебаний отпустит Шурочку на вольные хлеба. В их городке знатных семей

была только парочка, приличных – с десяток, остальные не входили в круг общения Филипповых. Так что выбрать мужа для Шурочки было почти не из кого.

Матвей Хохлов, придя с матерью в гости, так придирчиво осматривался в гостиной, так разглядывал обои, так сильно морщил нос, выглядывая из окна, что Шурочка стало не по себе. Он, что собирался поселиться в её доме? Так же внимательно он рассматривал с головы до ног Шурочку, и, видимо, пришёл к неутешительным выводам, если больше в их доме не появился.

И бабушка тоже была хороша, расписывая таланты внучки:

– Ох, да образования у неё и вовсе нет! Не считать же домашнего учителя! Это ведь совсем не то, что пансион. А мать не хотела разлучаться с нею после смерти мужа...Бедняжка, Шурочка, так и не научилась сносно музицировать, а её голос!...

Серафим Жилин даже успел понравиться Шурочке, но ровно до того момента, пока не начал поправлять волосы, глядя в отражение самовара, и рассматривать ногти на своих руках, а в прихожей он простоял пять минут у зеркала, поправляя шейный платок.

И девушка обрадовалась, когда бабушка сказала напоследок гостям:

– Забыла ещё сказать...Шурочка чудесно вышивает наволочки и скатерти! Вот уж золотые руки! – и добавила как бы сама себе. – Да сколько ж ткани она извела в этом месяце? И куда девать с десяток наволочек?... Ой, а вы наволочки купить не желаете?

Иван Топчин, пухленький и рыжий, был полностью поглощён чаепитием, и не обращал ровно никакого внимания на потенциальную невесту. Он со вкусом откусывал печенье, испечённое Шурочкой, и прихлёбывал чай. Он осматривал стол, выбирая, чего бы ему ещё съесть, и девушка развлекала себя тем, что считала, сколько пирожков и печенья он съест, да сколько чашек чаю выпьет. Она ставила на три, но он превзошёл её ожидания – пять! Пять чашек чая за один вечер!

Единственное, что он спросил у Шурочки:

– А вы больше уважаете пирожки с капустой или грибами?

Она ответила, что старается меньше есть мучного, чтобы не располнеть, после чего он, в самое сердце поражённый её словами, закусил свою горечь дорогим пирожным с кремом, купленным в немецкой кондитерской. Тут Шурочка справилась сама, отваживая жениха, и бабушке не пришлось стараться.

Девушка вздохнула, и ей стало ещё грустней, когда за окном начался дождь. Крупные капли стучали о стекло, оповещая всех, что осень окончательно завладела своими правами. Дунина только сейчас спохватилась и собралась в путь. Но можно ли преодолеть дорогу в такую погоду? Она суетилась, охала и причитала, но к счастью Филипповых решение нашлось, и соседке не пришлось пережидать непогоду у них в доме. Кухарка собиралась домой и вызвалась проводить Евдокию Петровну до дому, поделившись с ней своим плащом. Дунина разошлась в похвалах доброй самаритянке, и две женщины вздохнули с облегчением, когда те вышли из дому. Экономя деньги, Авдотья Семёновна не стала заводить после кончины супруга постоянную кухарку. Платить приходящей было не так накладно, к тому же, что-либо разогреть могла Шурочка или расторопная Стешка.

Шурочка погасила свечу и забралась поглубже под одеяло. В комнате, как всегда было прохладно, потому что бабушка не велела жарко топить печь. Мысли о скором приезде Императрицы сменились воспоминаниями о дневном незнакомце, и девушка стала гадать, кем он может быть и для чего приехал. Она пожалела, что не спросила Дунину о приезжих, возможно, соседка подсказала бы, кто этот молодой человек. Но тогда Шурочке пришлось бы признаться о произошедшем с ней событии, а становиться объектом для сплетен ей не хотелось.

Она уже давно призналась себе, что хочет замуж, но каким она видит своего супруга? Порядочным, обеспеченным и неглупым. Да, он может быть не сказочно богат, ибо ей самой в ответ нечего ему предложить, но имеет ли она право рассчитывать на порядочность? Шурочка представляла, как повстречает хорошего человека, как заживёт своим домом, она даже может ткать на заказ половики или печь пироги, если у них будет недостаток средств. Потом у них родятся дети, возможно, двое или трое, и они проживут вместе душа в душу. Ей бы так хотелось согреться в тёплом свете милых глаз, слышать приятные слова, а не только упрёки...

Шурочка вздохнула и перевернулась на другой бок. Нет, бабушка не позволит ей выйти замуж за человека с недостаточными средствами, тут и думать нечего, а, значит, надо прекратить мечтать! Но когда она закрыла глаза, тут же ей привиделись голубые очи незнакомца, и она снова проснулась.

“Почему он не идёт у меня из головы? Это глупо, очень глупо! Лучше бы ты думала о приезде Императрицы, Шурочка!”

Глава 2

Утро началось нерадостно. Стешка суетилась вокруг стола и как бы невзначай проронила:

– Вот бы посмотреть, как барышня будет танцевать на балу! Пора бы уже ей платье шить, барыня!

Авдотья Семёновна фыркнула и недовольно покосилась на неё:

– Вот ещё! Я никогда не уважала все эти балы – бесполезная трата денег и времени! Дамы за руки танцуют с кавалерами, почти в обнимку! Фу, какая гадость! – она поморщилась. – Помню даже по молодости я ходила на балы всего лишь не больше двух десятков раз!

Шурочка знала, что бабушка ходила как минимум на ежегодный губернаторский бал, а ещё ей вспомнилось её описание новогоднего бала у одного графа...Но говорить об этом бабушке она, конечно, не стала.

– Так что же, вы, не поедете на бал? – поразились Стешка.

– Нет. Ни Шурочка, ни тем более я, и носа там не покажем!

– А если сама Императрица вас пригласит? – шёпотом спросила Стешка.

– Стешка, что-то ты слишком разошлась, быстро иди мести полы! Со вчерашнего вечера ещё не метено!

Девушка недовольно хмыкнула и удалилась. Шурочка огорчилась – не видать ей ни нового платья, ни бала, как своих ушей.

– Стешка распоясалась, надо урезать ей плату.

– Бабушка, но вы уже урезали ей в прошлом году! Если урежете ещё, то она уйдёт от нас.

– Пусть идёт, что я, другой такой дуры не найду?

“Такой терпеливой точно!”, – подумала Шурочка.

После обеда Авдотья Семёновна по обыкновению ушла к себе в комнату и легла в постель. Она сохранила старинный режим и всегда, что бы ни происходило вокруг, укладывалась спать до четырёх часов. Шурочка спускалась вниз, когда увидела крутящуюся у зеркала Стешку. Она надела такую вызывающую шляпку с самодельными цветами, что барышня обзавидовалась.

– И куда это ты намылилась? – строго спросила Шурочка.

– Ах, барышня, так любопытно глянуть, что делается сейчас во дворце! Идёмте со мной, барыня всё равно спит!

Шурочке пришлось по душе такая идея, и она, быстро собравшись, подхватила под руку Стешку; они вприпрыжку преодолели прихожую и бегом спустились с крыльца. Погода стояла чудесная, и девушки, смеясь, пошли по дороге в сторону дворца.

Они проходили мимо магазина тканей, невольно остановились у витрины, и стали мечтательно выбирать, какую ткань для платья купили бы, если бы им довелось получить приглашение на бал. Стешка потянула барышню за руку, и они обе вошли в магазин и стали озираться вокруг. Эта лавка была самой любимой для всякой барышни, будь она при деньгах или нет. Ведь необязательно что-то покупать, а можно просто любоваться на дорогие ткани.

Там Шурочка заметила двух губернаторских дочек – Марию и Елену, и не успела она сделаться незаметной, как они подошли к ней.

– Вот так встреча, Шурочка! Не думали, что сможем вас здесь застать, – сказала Мария. – А мы вот, выбираем ткани для новых платьев. Вы ведь слышали про бал? Елена, что мы можем посоветовать Шурочке? Какая ткань подойдёт ей на платье?

И Мария невинно поморгала невинными глазами, обращаясь к сестре. И не успела та ответить, как их перебили.

– Двадцать, говорю я вам! С ней будет двадцать человек!

Дунина ворвалась в лавку, ведя за собой ещё пару приятельниц. Все взоры обратились к ней, и она раскрыла ладони, желая буквально на пальцах всем доказать свою осведомлённость о планах Императрицы.

– К сожалению, у вас на руках всего десять пальцев, – произнесла Мария, даже не пытаясь скрыть улыбку.

Дунина поджала губы и спрятала руки.

– Двадцать человек! Это моей кухарке сказала племянница дворника, который метёт двор у дворца. Можно сказать, что я получила эти сведения из первых уст. А что, вы, барышни, выбираете ткани? Несомненно, в свите императрицы половина окажется знатными молодыми людьми, и уж ваш батюшка постарается свести вас с ними. Не сомневаюсь, что уже весной кто-то из вас и свадьбу сыграет.

Елена густо покраснела, а старшая Мария гордо подняла подбородок, преисполненная уверенности, что именно она первой выйдет замуж. Дунина продолжала что-то болтать, а губернаторские дочери поспешно вышли на улицу. Шурочка, расстроенная словами соседки, которая прочила счастливую замужнюю жизнь другим, стала рассеянно глядеть в окно, и вдруг увидела, как пара гнедых лошадей остановилась у дома напротив. Из экипажа вышли двое мужчин, и она, прищурившись, в одном из них узнала своего спасителя. “Шурочка, только ничего не удумай! Пусть себе...”, – но девушка не послушалась сама себя и выскочила на улицу. Она сделала вид, что задумчиво рассматривает

витрину теперь с той стороны, не обращая внимания на мужчин. Ей показалось, что он заметил её. Но девушка и с полминуты не пробыла одна, потому что рядом с ней оказалась Дунина, не выдержав того, что осталась в гордом одиночестве.

– Ах, надо посоветовать вашей бабушке отпустить вас на бал! Вот помню, мы с ней в своё время на губернаторском балу танцевали до упаду! А у вас такой возраст...

Шурочка не слушала её, наблюдая за человеком напротив. “Интересно, он будет на балу? Конечно, если он – такая важная персона...” Он также косился на Шурочку, но подходить опасался. Наконец, он с другим мужчиной вошёл в дом, и Шурочка поникла головою. “Какая же я невезучая!” – подумала девушка.

Тут из магазина вышла счастливая Стешка и взяла свою барышню под руку.

– Ах, какие там чулочки! Ах, какие там перчатки! – восхищалась она ассортиментом лавки.

Но её барышне было не до новинок трикотажной фабрики, она даже не захотела идти ко дворцу, сославшись на мигрень, и Стешка, пожав плечами, отправилась туда одна.

Придя домой, Шурочка повалилась на кровать и долго так лежала, раскинув руки. Из головы всё ещё не уходил образ того загадочного человека. Девушка больше не могла ни читать, ни печь печенье, она и есть-то не хотела, но бабушка, проснувшись, спустилась к ужину, позвала внучку к себе, и Шурочке пришлось подчиниться и даже съесть грибную запеканку.

С каждым прожитым днём до приезда императрицы у Шурочки оставалось всё меньше надежды встретиться со своим незнакомцем. Куда бы она ни шла, везде хотела бы его встретить, и тщетно вглядываясь в лица прохожих, так его и не увидела.

Когда настал знаменательный день, то весь городок ожил, люди надели свои самые лучшие наряды и высыпали на улицы. Огромная чёрная карета с золотыми вензелями и императорским гербом выехала на улицы города. Впереди неё степенно двигались десять вооружённых всадников, позади – пять,

и ещё несколько – по бокам. Такой кортеж невозможно было не заметить, и те люди, кто ещё не успел собраться или был занят делами, выглядывали из окон или стояли в дверных проёмах.

– Слава Императрице! Слава! Слава! Слава! – доносилось со всех сторон. Мужчины снимали шляпы, приветствуя карету, а женщины махали ей в след кружевными платочками.

Стешка ещё рано утром унеслась в город, она собиралась с подругами проследить весь путь кареты – от въезда в город до самого дворца, а Шурочка осталась дома. Но когда на улице стали слышны возгласы, то ей стало любопытно, и она прильнула к окну. Из-за веток и забора что-либо разглядеть было затруднительно, поэтому она тепло оделась, чтобы выйти хотя бы на крыльцо. Там она столкнулась с бабушкой, которая также с любопытством вытягивала шею, кутаясь в шаль. Они, не сговариваясь, вышли за калитку и встали у забора, надеясь, что карета проедет по их дороге, ведь она вела прямо ко дворцу и была одной из самых длинных в городе. Мимо них сначала протяжённой цепью пронеслась конница с нарядными всадниками. Каждый был одет в зелёный мундир, на головах красовались высокие киверы[1 - Кивер – высокая цилиндрическая шапка с козырьком] с перьями, а на одном плече висела, красиво спускаясь, меховая накидка. Зрелище было восхитительным!

– Вот как бы порадовался её приезду Степан Василич! Это ли не стало бы наградой для его добродетели? – вопрошала Авдотья Семёновна, но Шурочка не слушала её, ибо всё ближе раздавались восторженные отзывы горожан, а значит, приближалась карета.

И когда она появилась, женщины невольно воскликнули с придыханием. Резные позолоченные украшения сверкали на солнце, на крыше красовалась корона, вылитая из чистого золота. Передние колёса были почти в два раза меньше задних, что позволило уменьшить тряску, и экипаж катил плавно, не скрипя и не качаясь из стороны в сторону. Несомненно, мужчины смогли оценить по достоинству её манёвренность, а женщины – орнаменты. Наверняка, и салон в ней был обит бархатом или плюшем! На каждой стороне кареты было три окна, но так как они плотно закрывались красными шторками, то разглядеть царственную особу не представлялось возможным. Шурочка разочарованно вздохнула – она не смогла узнать, так ли хороша Императрица, как её изображают на портретах лучшие живописцы.

Вот уже царственный экипаж проехал мимо них, и Шурочка поникла головою. Бабушка нерешительно посмотрела на неё, а потом сказала:

– Ну, что же... Такое зрелище, может быть, нам больше и не представиться. Так что ступай за ней, Шурочка. Авось тебе посчастливится увидеть, как Императрица выходит из кареты.

Девушка, забыв поблагодарить родственницу за оказанную милость, припустила бегом за каретой, придерживая шляпку, и еле успела догнать следующую за ней толпу. И тут ей предстояло тяжёлое испытание – борьба за лучшее место и манёвры среди толкущихся и кричащих людей. Приличные мужчины в широкополых шляпах наступали друг другу на ноги, и даже не подумав извиниться, двигались вперёд; женщины, благочестивые матроны, которых Шурочка хорошо знала, громко ругались, больно толкались локтями, и даже могли какую-то незадачливую дамочку схватить за шляпку, чтобы занять её место, если оно отвечало их стремлениям. Молодые девицы сбивались в группировки по три-четыре, чтобы противостоять этим гарпиям в кружевных чепцах, и такое слышали о себе, что диву можно было даваться! Шурочке казалось, что она попала в какой-то другой город, потому что все знакомые ей люди враз стали чужаками и могли сделать любую гадость, если это было в их интересах.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кивер – высокая цилиндрическая шапка с козырьком

Купить: https://telnovel.me/ru/novgorodskaya_natal-ya/kol-co

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)